

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ, ЛИТАГЕНТ
СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

ТВОЙ ДЕМОН ЗЛА. ПОЕДИНОК

Сергей Воронцов

Сергей Волков

Твой демон зла. Поединок

«Автор»

Волков С. Ю.

Твой демон зла. Поединок / С. Ю. Волков — «Автор»,
— (Сергей Воронцов)

ISBN 5-224-05091-X

В руках Сергея Воронцова, опытного телохранителя, волею случая оказывается странный прибор. Этот аппарат, определяющий скрытый потенциал человека, имеет неожиданный побочный эффект – он способен воздействовать на психику человека, полностью подчиняя ее чужой воле. За прибором идет охота... Шантажируя Сергея, неведомые враги выкрадывают его жену Катю, которая ждет ребенка. Сергей готов на всё... Но как вырвать жену из лап бандитов и не позволить им завладеть опасным прибором?!

ISBN 5-224-05091-X

© Волков С. Ю.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Волков

Твой демон зла. Поединок

*Нине Николаевне и Марии Егоровне
с благодарностью за веру и верность...*

*Есть время жить,
Есть время умирать...*

Глава первая

Я выскочил из телефонной будки, очень плохо понимая, что же теперь мне делать. Всем моим существом в этот момент владело отчаяние. Взорвавшийся мотоцикл чадил густым, жирным дымом, уже привлечшим внимание людей на той стороне реки, и я понял, что надо скрываться с места пришествия, и чем быстрее, тем лучше...

Правда, в таком виде – весь мокрый, в грязи и крови, я далеко не уйду, меня задержит первый же встречный мент. Поэтому, пнув с досадой дверцу телефонной будки, я побежал обратно по Серебряническому переулку, свернул направо, пересек небольшую тихую улочку, заскочил на какие-то безлюдные задворки и остановился.

Первым делом я скинул куртку и занялся ранами. Рубашка под пиджаком промокла от крови, и я просто отрезал и закопал в рыхлый снег окровавленный рукав. Рана оказалась, как я и предполагал, не опасной – пуля прошла навывлет, не задев ни кости, ни важных артерий, маленькое выходное отверстие практически не кровоточило, но из входного, невидимого мне, кровь продолжала сочиться.

Вытащив из наспинного клапана жилета индивидуальный медицинский пакет, я, как мог, обработал рану дезинфицирующей мазью, наложил повязку и проглотил две таблетки антибиотика, на тот случай, если все же какая-нибудь зараза попала в кровь.

С ногой все оказалось просто и не страшно. Она болела, но пуля лишь задела меня, содрал лоскут кожи, и я, обеззаразив бедро специальной салфеткой, пропитанной антисептиком, заклеил рану пластырем. Потом прошелся той же салфеткой по мелким царапинам на лице, и на ноге, протер порезы от стекла, оставшиеся на руках...

Голова гудела, меня тошнило, и почему-то безумно хотелось спать. Синее мартовское небо, рыхлый весенний снег, шум машин на бульваре, – все это я воспринимал как бы со стороны.

Глаза закрылись сами собой. Я привалился спиной к черному стволу липы, одиноко торчащей из сугроба, и закрыл глаза...

Наверное, это все же был обморок. Едва веки мои сомкнулись, как тут же в наступившей темноте закружились огненные птицы и звуки внешнего мира пропали в ватной тишине.

Мысли мои напоминали автомобили в пробке. Нелепо сгрудившись, они словно бы мешали друг другу сдвинуться с места.

Из мешанины мелькающих образов начали возникать картинки пережитого мною за последнее время:

...Вот президент охранной фирмы «Залп» Руслан Кимович Хосы предлагает мне из простого охранника стать телохранителем.

...Вот я прохожу вступительные тесты в престижной школе телохранителей «Щит» в Питере...

...Учеба в школе – и странные события, в которые я оказался вовлечен случайно. Роскошная девушка Ирина с замашками светской львицы, тройца сумасшедших в мое гостиничном номере, нападение на меня в холле гостиницы с целью установить, кто я...

...Возвращение домой, мой первый клиент – инженер Научно-исследовательского института Экспериментальной Автоматики и Приборостроения Игорь Пашутин, на которого давит, пытаюсь перекупить, некто неизвестный...

...Атака института некими опять же так и оставшимися неизвестными боевиками...

...Посещение вместе с женой Катей «Клуба интеллигенции»...

...Отставной полковник ФСБ Урусов, начальник Отдела охраны института, где работает Пашутин, его заверения в том, что все враги повержены...

...Сегодняшнее утро, рассказ Пашутина о Приборе. Его откровения о побочном эффекте аппарата, благодаря которому возможно не только определять скрытые возможности человека, но и влиять на его психику, полностью подчиняя ее...

...Нападение на нас прямо в пашутинском дворе. Смерть Игоря. Перестрелка с неизвестными, мой отчаянный прорыв – и все та же Ирина, представшая передо мной затянутой в кожу амазонкой на крутом байке. Ее слова о том, что моя Катя захвачена и что ей помогут родить раньше срока, если я не отдам Прибор и попытаюсь сообщить о произошедшем Урусову или правоохранительным органам...

...Наконец, огненный шар неудержимой ярости, возникший во мне, дергающаяся в моей руке беретта – и вспыхнувший «Харлей» Ирины, упавший вместе с седоком на лед Яузы...

(Подробнее об этих и других событиях читайте в романе «Твой демон зла. Ошибка»)

«Ну что, Сергей Воронцов? Куда ты теперь? Где твоя жена? Что собираешься делать?», – внутренний голос отрезвляюще зазвучал в моем сознании, и я рывком, резко, вынырнул из омута беспамятства...

Если я и терял сознание, то очень не на долго – стрелки на моих часах показывали, что прошло всего пять минут. Надо было срочно уходить, наверняка меня уже ищут по всей округе.

Я встал и тут же ухватился рукой за ствол дерева – в таком состоянии беглец из меня никакой. Подумав, я вколол прямо через брюки в ногу стимулятор из шприц-тюбика. Это вещество не только бодрило, но и создавало иллюзию положительных эмоций – я боялся, что раны, усталость и переживания за судьбу жены не дадут мне нормально, адекватно, как говорил «инструктор по ранениям» в школе телохранителей, оценивать ситуацию...

Стимулятор подействовал почти сразу же. Противный звон в ушах пропал, тошнота отступила. Я, намочив носовой платок в луже талой воды, расстелил на снегу куртку и как мог, стер подсохшие уже разводы на спине и плечах, следы моих кувырканий в Пашутинском дворе, замыл кровь, обагрившую левый рукав. Спрятав кровавые остатки салфеток в снег, я оделся и быстро пошел по направлению к Яузкому бульвару – надо было ловить машину и уезжать из центра города.

Машина «поймалась» достаточно быстро.

– Куда? – угрюмо спросил водитель, молодой парень в джинсовой курке.

– Бережковская набережная! – брякнул я первое, что пришло на ум, и тут же обругал себя – далеко и долго. Я даже закрыл было дверцу, ожидая, что парень все равно откажет, но тот лишь кивнул – садись!

Поехали. В машине, устроившись на удобном сидении, я полностью отрешился от всего окружающего мира, лихорадочно просчитывая в голове все возможные варианты выхода из создавшейся ситуации.

Главный вопрос: «Как освободить Катю?» не давал мне покоя, и не смотря на вколотый стимулятор, я все отчетливее понимал, что иного пути, кроме предложенного погибшей Ириной, у него нет.

Но как, как связаться с ними?! Возвращаться в Пашутинский двор нельзя – там уже наверняка милиция, да и задержавшийся или специально задержанный Иваныч тоже должен подъехать – а это означает, что Урусову уже доложили обо всем... Скверно!

На Бережковской набережной Я вышел из машины, расплатился, и побрел вглубь домов, прикидывая, как же ему теперь найти похитителей жены.

«Надо звонить Борису! Все ему рассказать, вдвоем мы что-нибудь придумаем!», – неожиданно для себя решил вдруг я, а решив, круто развернулся и зашагал к ближайшему телефону-автомату – мой мобильник умер, похоже, навсегда...

Пока я набирал номер, где-то в глубине сознания шевельнулась мысль: «А не подставляешь ли ты Бориса, втягивая его в это дело? Ведь он-то тут ну совершенно не причем!» Эта мысль заставила меня даже повесить трубку, и отойти от телефона, но в следующую секунду я представил себе лицо Кати, представил, как один, раненый, пытаюсь ее освободить, и отчетливо понял правоту фразы: «Горе одному, один – не воин!»

– Извини, Боря, у меня нет другого выхода! – вслух сказал я, и решительно шагнул к телефону.

Борис ответил практически сразу же, видимо, сидел за рулем во «фри-хэнде». Он удивился моему хриплому, невеселому голосу:

– Алло, Серега! Что с тобой? Что-то случилось?

– Борь, я не могу по телефону... Случилось... В общем, ты мне срочно нужен! Бросай все и немедленно приезжай, встречаемся через час в том месте, где на девятое мая собирались, перед тем, как в Парк Победы пойти, помнишь?

– Помню! – ответил Борис серьезным голосом: – Серег, а нельзя отложить встречу на пару часов? У меня тут...

– Боря, речь идет о жизни и смерти! Без шуток... Я жду тебя!

Я повесил трубку, закурил, и пошел к троллейбусной остановке. В том, что Борис обязательно приедет, я не сомневался. По крайней мере, не хотел сомневаться!

Джип Бориса я заметил издали – тот ехал со стороны Кутузовского проспекта на личной скорости и останавливаться не собирался. Пришлось поднять руку, и спустя несколько секунд, мягко шурша шинами, машина остановилась рядом. Борис перегнулся через сиденье, распахнул дверь, улыбаясь:

– Прошу вас, синьор!

Но улыбка исчезла с его лица, как только он увидел мои глаза. Я молча сел в машину, швырнул на заднее сидение коричневый дипломат, мгновение тупо смотрел перед собой, и неожиданно дыхание перехватило и слезы сами собой потекли из глаз...

– Ты чего... Серега! Что случилось?! – всполошился Борис, потряс меня за рукав. Потом он полез в сумку, достал оттуда початую плоскую бутылочку коньяка, отвинтил пробку, сунул мне в руку:

– Выпей! Выпей-ка, давай! Легче станет!

Я присосался к бутылке, глотнул, закашлялся, но обжигающий горло коньяк привел меня в чувства, и, размазывая рукавами куртки слезы по лицу, я выговорил:

– Они... Они забрали Катю! Суки! Ты представляешь?! Они сказали мне, что... что делают ей...

– Как забрали?! Куда забрали?! Да кто «они»?! – всполошился Борис, ухватив меня за раненную руку, снова начал трясти и испуганно отдернулся, когда я вскрикнул от боли.

– Извини, Борь, я ранен! – сквозь зубы проговорил я, хлебнул еще коньяка, повертел головой и потянулся за сигаретой:

– Борис, давай поедem куда-нибудь, а по дороге я тебе все расскажу!

Мы уже с час колесили по Южному округу Москвы, по широким, слякотным улицам спальных районов Чертаново. Я выложил Борису все, что со мной случилось сегодня, и теперь мы думали, что же предпринять.

Признаюсь, меня удивила позиция Бориса относительно Прибора.

– Давай утопим его к чертовой матери, хреновину эту! Из-за нее уже человек погиб, а сколько еще погибнет! Да и мало ли что они с его помощью натворят!

– А как же Катя? – спросил я, наливаясь бешенством: – Ты о ней подумал, моралист занюханный?! Натворят они чего-нибудь или нет, это уже не мои проблемы! Мне жену и будущего ребенка надо спасать! И я ни перед чем не остановлюсь!

Я практически прокричал это, и Борис молча кивнул, мол, понимаю тебя... Потом он неожиданно предложил:

– А давай посмотрим, что это хоть за штуковина такая? Ты его открывал?

– Нет! – помотал головой я, потянулся назад, достал дипломат, положил его себе на колени, щелкнул замками...

Нашим взглядам предстал небольшой, серой пластмассы, плоский ящичек, вроде переносного компьютера ноут-бук. Борис удивленно присвистнул:

– И только-то! А я-то думал!

Я задумчиво разглядывал таинственный Прибор, потом вытащил его из дипломата, обратился к Борису:

– Ты это... Останови где-нибудь! Я загляну внутрь! У тебя маленькая отвертка есть?

Я открыл верхнюю крышку, присвистнул от удивления. Внутри прибор выглядел странно – десяток компьютерных клавиш, непонятные символы на них, светоиндикаторная панель, бегунки настройки, какой-то стрелочный датчик с делениями, но без цифр...

– Ума не приложу, что это такое, – пробормотал я, перевернул корпус прибора, отвинтил болтики задней панели.

– Ты же электронщик, Серега! Разберись, что там! – встрял Борис, наблюдавший за действиями друга.

– Тут скорее компьютерщик нужен! – покачал я головой: – Смотри: вот это – блок питания с аккумулятором! Это – усилитель, только какой-то странный... Сидюк под минидиск, платы с чипами – скорее всего, какой-то процессор! И еще – частотные генераторы, контуры, магниты, ловушки, преобразователи... Ни хрена не понимаю...

– А в чемоданчике больше ничего нет? – спросил Борис, и полез в дипломат: – Смотри, тут в кармашке две дискеты!

Дискеты были самые обыкновенные, на одной маркером рукой Пашутина было написано: «Осторожно! Не стирать!», другая, слегка поцарапанная, не имела никаких надписей.

– Ничего нам это не дает! – задумчиво сказал я, собирая Прибор и водворяя его на место, в дипломат: – Надо искать похитителей, но так, чтобы Урусов и его «ОО» раньше не нашли меня. Пока я с прибором не «засвечусь», они ничего не сделают Кате. Слишком уж, как я понял, они дорожат этой машинкой!

– Ну, а попробуй повспоминать, может тебе хоть что-нибудь про них известно? Хоть какая-то зацепочка? – Борис закурил, завел двигатель и мы снова поехали.

Я перебирал в уме все, что знал о своих таинственных врагах. Ирина и чернявый. Отпадает – Ирина мертва, а чернявого искать бессмысленно – где его найдешь в многомиллионной Москве? Коваль, встретивший нас с Пашутиным возле подъезда? Это вообще «пустышка» – по данным ФСБ он два года как мертв, Пашутин просто что-то напутал тогда, спяну... А

может и не напутал, но если даже предположить, что Коваль жив, искать его бессмысленно – он наверняка живет под другой фамилией, и вся эта история с утоплением – специальный ход, для того, чтобы исчезнуть...

Стоп, а «КИ-клуб»? Разговоры о всеобщем «осчастлиивании» при помощи достижений НТР! Как раз то, о чем говорил Владимир! И вообще – наука, и все, что с ней связано, кто знает об этом лучше, чем «КИ-клубовцы». А если... А если Прибором интересуются именно они? Да ну, чушь! «Додики» из «КИ-клуба» – и эти боевики во дворе Пашутина, от которых я ушел просто чудом? Ничего общего! Но все же это – единственная возможная и реальная зацепка на данный момент... Проверить все равно надо.

А если так, то Наставник того клуба, в который ходила Катя, должен быть по крайней мере в курсе. Как его найти? Телефон, он же давал свою визитку!

Я радостно щелкнул пальцами:

– Есть! «КИ-клуб»! Борька, давай сюда свой аппарат, буду звонить!

Но тут нас подстерегало разочарование – я набрал номер, и вместо ответа услышал монотонный голос автоответчика: «Вы набрали номер Московского городского „Клуба интеллигенции“. К сожалению, до пятницы к трубке никто подойти не сможет, если вам угодно, перезвоните позднее или оставьте ваше сообщение после звукового сигнала!»

– Ну, непруха! – зло процедил Борис, повернулся ко мне: – Давай, думай, думай еще! Ну, кто из твоих знакомых может знать этого... Наставника?

Долго думать не пришлось. Я посмотрел на друга, спросил:

– Ты знаешь, где живет Владимир?

– Какой Владимир?

– Здоровый такой, у тебя на свадьбе был, бородатый!

– А, Вовка! Конечно знаю! А он-то тут каким боком?

– Он ходит в тот же клуб, что и Катя! Они знакомы! Он должен знать, где можно найти Наставника!

– Давай! – загорелся Борис: – Я ему сейчас позвоню! Он парень хороший, только слегка... нудноватый... Но мне он всегда поможет.

Владимира дома не оказалось, а кто-то из его близких сказал, что он на работе.

– Ничего страшного! – улыбнулся Борис, засовывая телефонную трубку в гнездо возле сидения: – Сейчас поедем к нему на работу. Это тут в двух шагах, возле Третьяковки...

Владимир работал в одном из филиалов НИИ Архивного Дела, в отделе древнерусских текстов. Как и все бюджетные институты, НИИАД еле-еле сводил концы с концами, и поэтому не имел ни приличных помещений, ни сколько-нибудь серьезной охраны. Мы с Борисом безо всякого труда прошли прямо в рабочий кабинет Владимира, который он делил еще с четырьмя сотрудниками.

– Вовка! Эй! – окликнул Борис своего знакомого, склонившегося над японским сканвордом: – Здорово! Как дела? Слушай, выскочи на минутку, дело есть!

В коридоре Владимир поздоровался со мной, удивленно посмотрел на Бориса:

– В чем дело, ребята?

– Адрес и телефон Наставника вашего клуба! – сухо сказал я, совершенно не расположенный к длительным дискуссиям – уже вечерело, времени оставалось в обрез. Пока мы тут валандаемся, ЭТИ уже могли сделать с Катей все, что угодно! От таких мыслей у меня волосы на голове вставали дыбом и очень хотелось добраться до виновников всего этого кошмара и всадить им по пуле в переносицы...

Домашнего телефона Наставника Владимир не знал, но зато знал, где тот живет – как-то раз по просьбе Олега Александровича он помогал перетаскивать вещи при осеннем переезде

с дачи в квартиру. Я записал адрес, попрощался, и пошел к машине, оставив Бориса разговаривать с приятелем.

Больше всего сейчас я боялся, что Урусов и «оо-шники» выйдут на меня раньше, чем я спасу Катю. Что будет потом, меня интересовала очень мало. Главное – я должен был спасти жену и своего будущего ребенка, а перед этим меркло все – громкие слова о гражданском долге, коммерческих и государственных интересах... Какие, к бесу, государственные интересы, если государство допускает, что его граждан захватывают неизвестные организации, интересующиеся последними разработками в сфере высоких технологий... То, что Прибор в дипломате – новейшее, уникальное достижение человеческого разума, технологии высочайшей высоты, я уже почти не сомневался...

Борис вышел из здания института буквально через минуту. Молча сел за руль, завел джип и вырулил на проезжую часть.

– Ты чего? – спросил я, видя, что друг стал вдруг мрачным и злым. Борис помолчал, потом сказал, не глядя на меня:

– Серега! Ты попал пальцем в небо... Ну, то есть, наоборот, я хотел сказать – ты попал с этим Наставником в точку! И еще... Им нельзя отдавать этот Прибор! Вовка мне сейчас рассказал кое-что... В общем, вчера у них в клубе состоялась закрытая беседа с Наставником! Были приглашены только взрослые, здоровые мужики – ни женщин, ни стариков! Так вот, этот Наставник сказал, что пришло время всем мыслящим людям России объединиться, наконец! Мол, довольно уже нами командовали те, чей интеллектуальный уровень ничем не отличается от уровня пещерного человека! Короче, он, говорил, что в новой России не будет больше ни коммунистов, ни фашистов, ни демократов, ни правых, ни левых, будут только мыслящие, разумные люди! Если только...

– Что «если только»? – напрягся я.

– Он сказал: «Если только нам не помешают выродки, для которых забота о деньгах и личных материальных благах главнее всего на свете!» Ты понял?

– Нет! – покачал головой я.

– Ну, выродок – это ты, скорее всего! Ну, и все твои «научники» из института, которые за деньги что-то делают на заказ, за рубеж! А это «что-то» как раз и может помешать планам тех, из «КИ-клуба»! Теперь понял?

Я выслушал Бориса, набылся и сказал, глядя в сторону:

– У них моя жена! Я должен освободить ее любой ценой! А что касается всех этих разговоров о всеобщем счастье и выродках... Я не очень-то в это верю! Не хочу верить!

Борис вздохнул, затормозил у светофора, повернулся к мне:

– Серега! Я прекрасно тебя понимаю. Но давай сделаем так – приедем сейчас к этому... Наставнику. И попробуем сначала надавить на него, пусть он расскажет, что они замышляют! Пригрозим уничтожить Прибор, ты же сам говорил, что даже не стреляли в тебя, боясь его повредить! Значит, они им очень дорожат, и пойдут на любые уступки, чтобы его заполучить.

– Я тоже... дорожу Катей, и пойду на все, лишь бы она была жива, здорова, и в безопасности! – отрезал я. Некоторое время ехали молча. Потом я сказал:

– На счет того, чтобы узнать побольше о их планах – это ты, пожалуй, прав, но только я не думаю, что Наставник одного из «КИ-клубов» много знает. Он просто что-то типа миссионера, «обратителя» в свою веру, этакий пропагандист-агитатор. Хорошо! Сделаем так: сперва мы с ним поговорим, спросим, зачем им Прибор, и что они вообще собираются делать, а потом пусть выходит на свое начальство и сообщает, что я готов обменять Прибор на Катю. Слушай, в конце концов, может, это все – ошибка, и Наставник тут совершенно ни при чем?

– При чем, при чем! – утвердительно покивал головой Борис: – Я чувствую!

Я помолчал, потом сказал:

– Ладно, разберемся на месте... Кстати, этот Владимир... Как он отнесся к идее о «новом порядке»? С одобрением?

– Что ты! – усмехнулся повеселевший Борис: – Он же нормальный парень, не дебил какой-нибудь! Нет, конечно! Но многие, он говорил, приняли «на ура»!

Наставник жил в большом, многоэтажном доме на Можайском шоссе. Мы вышли из машины, Борис включил сигнализацию, а я по бумажке принялся набирать код подъезда. Предстояло подняться на седьмой этаж, и как-то проникнуть в квартиру – почему-то я не был уверен, что Наставник, узнав, кто к нему пожаловал, с радостью впустит нас. Оставалось одно – войти без приглашения...

– Слушай, это же взлом! – беспокоился Борис. Я лишь зыркнул на него, и Борис умолк, с тревогой поглядывая на меня. Ничего, ничего, сейчас не до взглядов...

Как и предполагалось, жил Олег Александрович за мабутой стальной дверью, снабженной не только глазком, но и скрытым в телефонном распределительном щитке над дверью объективом видеокамеры.

Я молча отстранил Бориса, заставив его прижаться к стене вне зоны видимости глазка, вытащил из кармана пластинку жевательной резинки, сунул в рот, пожевал с минуту, а потом, разделив жвачку наполовину, аккуратно залепил и глазок, и выносной объектив. Затем я вытащил из рукава тонкий, узкий нож, подарок «щитовцев», и перерезал телефонные провода, идущие в квартиру.

– А дальше что? – шепотом спросил Борис: – Он же догадается, что вся его система обзора ослепла неспроста!

Я молча показал другу кулак – молчи! Потом вытащил из кармана отмычку-вездеход, которая висела у меня на брелке с ключами просто так, на всякий случай... Поманив Бориса к себе, я тихо сказал на ухо:

– Ты, я помню, раньше, в бытность археологом-поисковиком, слыл крупным специалистом по вскрытию всяких замков. В этой двери замок очень простой, хотя и большой! На первом обороте две левые сувальды, на втором – наоборот, две правые! Я встану вот здесь, ты быстро открываешь дверь и прячешься за ней, я вхожу в квартиру, ты идешь за мной только по моей команде! Понял? Начали!

Оробевший Борис – одно дело открывать во время раскопок ржавые замки на подвальных дверях старых церквей, и совсем другое – вскрывать чужую квартиру, взял из моих рук стержень-отмычку, поозирался – в подъезде стояла какая-то особенная, напряженная тишина, и склонился над замком.

– Не возись! – прошипел я, стоя напротив двери с пистолетом в правой руке: – Он может услышать, вызовет подмогу! У него наверняка есть рация или мобила.

Борис весь вспотел, ковыряясь в замке, наконец, что-то щелкнуло, и дверь слегка отошла от косяка. В ту же секунду я отбросил Бориса в сторону, распахнул дверь и влетел в квартиру!

Длинный коридор, раздваиваясь, вел в кухню, и к комнатам. Олег Александрович мирно смотрел телевизор в самой дальней из них, но на шум шагов и лязг захлопнутой Борисом у меня за спиной двери среагировал сразу, выскочил в коридор и замер, уставившись на направленный ему в голову пистолет.

– Еще кто-нибудь дома есть? – тихо спросил я, твердо глядя в глаза Наставнику.

– Н-нет... – помотал тот головой: – Боже мой! Сергей Степанович! Но почему таким способом?! Я бы открыл вам дверь и так.

– Я в этом не очень уверен! – покачал головой я, чуть опустил пистолет, качнул стволом в сторону комнаты: – Идите! И постарайтесь без глупостей, я к счастью, от природы очень метко стреляю, а у меня, вдобавок, в последнее время была масса возможностей для тренировки.

Наставник вернулся в комнату, я вполголоса крикнул:

– Борис, как следует запри дверь!

Пройдя вслед за хозяином квартиры в комнату, я дождался Бориса, сунул ему пистолет:
– Присмотри за ним!

После этого, держа наготове нож, я пробежался по всем комнатам, заглянул на кухню, в ванную и туалет... Наставник не врал – в квартире он был один. Вернувшись, я забрал у Бориса оружие, сунул его в кобуру, сел на диван и сказал, обращаясь к сидевшему напротив Наставнику:

– Вы вчера в клубе призывали людей к государственному перевороту! Не качайте головой, это было именно то, о чем я говорю. Сегодня утром на Чистых Прудах произошел инцидент, в результате которого погиб охраняемый мною человек... и еще куча народа! Между этими событиями есть связь, и я уверен, что вам о ней известно. У меня крайне мало времени, и шутить я не намерен! Быстро выкладывайте все, что вы знаете...

Олег Александрович улыбнулся:

– Вас ввели в заблуждение, Сергей Степанович! Вас и вашего... Простите, мы не знакомы...

– Вам незачем знакомиться! – оборвал я его: – Говорите, или я вас заставлю!

– Вы что же, пытаться меня будете? – усмехнулся Наставник: – Кто вы, Воронцов? ФСБ? ГРУ? Контрольная комиссия? Счетная палата? Военная разведка? Или ЦРУ?

Я поскучнел, взял стоящий возле застывшего в напряжении Бориса дипломат, щелкнул застежками:

– Вот тот самый полумифический Прибор, о котором ходит столько слухов! Его создал мой погибший клиент, сотрудник НИИЭАП. Теперь вы будете говорить?

От меня, внимательно наблюдавшего за Наставником, не укрылось, что тот занервничал. Забегали глазки, задрожали руки... Однако Олег Александрович быстро взял себя в руки и как можно более равнодушным тоном сказал:

– Что за прибор? О чем вы мне говорите все это время?

Я понял, что просто так Наставник нам ничего не скажет, забрал у Бориса беретту, перевернул затвор, упер ствол в большой, сразу покрывшийся испариной лоб Наставника:

– Я считаю до трех! У вас моя жена, у меня – Прибор! Я не остановлюсь ни перед чем. Говорите! Раз!..

Олег Александрович комично скосил глаза на пистолет, отчего сразу стал похож на отнюдь не блещущего внешним интеллектом Савелия Краморова, и с его лица слетело всякое показное равнодушие. Теперь оно выражало только страх!

– Два!.. – мертвым голосом произнес я.

– Я... – проблеял Наставник, видимо, сдаваясь.

– Три!!!

– Я скажу! Я мало знаю, но я скажу все! Только уберите оружие! Так, знаете ли, как-то не ловко!..

– Не ловко гадить в бутылку! – безжалостно добил Наставника молчавший до этого Борис, и тоже попал – Олег Александрович затравленно посмотрел на него, последняя надежда потухла в его глазах, видимо, он решил, что второй «налетчик» – вообще зверь.

Я убрал пистолет и приготовившись слушать...

– Я просто Наставник! Я получаю материалы для работы и все директивы из Центра! – начал Олег Александрович дрожащим голосом...

– Ну и как ты думаешь, сможет этот Связной связать нас с заправками Центра? – спросил Борис, когда мы выезжали из двора-колодца в переулок, ведущий к Ленинскому проспекту. Я утвердительно кивнул, задумавшись – сейчас меня беспокоило, не хватятся ли Наставника раньше, чем мы доберемся до Связного...

Наставника мы оставили в подвале одного из подготовленных к сносу домов, о котором вспомнил Борис. Место глухое, тихое, заброшенное. Олега Александровича, особо не мудрствуя, примотали скотчем к трубе недействующего водопровода, причем не освободиться, не позвать на помощь он не мог... «После того, как все уладится, мы тебя освободим!», – пообещал ему напоследок Борис, скотчем обматывая спеленутое тело еще несколько раз – на всякий случай!

Связной, как сообщил Наставник, жил в своем доме на окраине Москвы, практически возле Кольцевой дороги. Только он знал, как можно выйти на Центр, на руководство всей организации, в которую входили «КИ-клубы». Раз в неделю Наставник приезжал к нему и получал всю необходимую информацию...

На улице совсем стемнело. Борис гнал джип по Ярославскому шоссе, к выезду из города, а я проверял снаряжение – у меня осталось всего две обоймы патронов, а кто знает, какие еще подарки преподнесет нам сегодня судьба?

Глава вторая

Дом связного, добротный пятистенок за высоким, глухим забором, мы нашли сразу – по указанному Наставником знаку, понятному только посвященным. На высоком столбе внутри двора, хорошо видная от дороги, крутилась вертушка, вроде бы – обыкновенный флюгер с пропеллером, а на самом деле знак, сигнал для своих...

– Борька, ты сиди в машине, не лезь. Я сам. Мне одному проще, да и тебе «засветки» меньше!

– Почему это тебе одному проще? – сварливо осведомился Борис, остановив джип на обочине.

– Потому что когда я один, мне не надо постоянно думать, случилось с тобой что-нибудь или нет! – жестко ответил я и вылез из машины.

Я отлично понимал, что дом Связного наверняка напигован всякой электроникой сверх меры, а по словам Наставника, никаких незнакомцев он к себе не впускает. Значит, в дом надо проникнуть скрытно, тихо и попытаться застать хозяина врасплох... Н-да, легко сказать!

Подойдя к забору левее ворот, я огляделся, прислушался, но гул машин сзади, на Кольцевой, заглушал все другие звуки. Осторожно, крадучись, я двинулся вдоль забора, обходя дом кругом. Забор, помимо дома, ограждал еще и довольно большой то ли сад, то ли огород, в котором росло несколько яблонь.

«Интересно, у них тут фрукты зреют какие – с высоким содержанием свинца, или оцинкованные? Со МКАДа, небось, столько дряни несет, что их и есть-то нельзя!», – неожиданно подумал я, и удивился собственному спокойствию. Видимо, появившаяся надежда спасти Катю заставила нервы прийти в норму – истерика могла испортить все дело.

Забор, метра два с половиной высотой, поверху был опутан колючей проволокой, но это меня не особо беспокоило. Есть ли во дворе собака – вот воистину гамлетовский вопрос... Если есть, то он своим лаем предупредит хозяина, а это в мои планы ну никак не входило. Время шло, а топтание у забора грозило затянуться. Я сплюнул в снег и решил действовать по-русски, на авось: перелезть забор со стороны огорода, прокрасться к окнам и попытаться выяснить, что происходит в доме.

«Наставник говорил, что Связной живет один, но у него часто бывают другие Наставники или курьеры из Центра! Не нарваться бы на целую кучу народа – вдруг опять придется стрелять!», – размышлял я, проверяя, легко ли вынимается нож из нарукавного чехла, затем достал пистолет, снял с предохранителя и переложил его в нагрудный карман.

Быстро подтянувшись на руках, я заглянул за забор и обмер – все пространство возле дома покрывал высокий, густой, сухой бурьян, тихо шуршащий на легком мартовском ветру. Вот тебе и сад-огород... Сделаешь один шаг – хрусту и треску будет на всю округу!

«Придется действовать по другому!», – подумал я: «Но как? Залезть на крышу? Послать все на хрен и просто постучать в дверь? Попробовать осторожно прокрасться вдоль забора, так, чтобы не задеть бурьян?»

Все способы не годились – слишком велик был риск провалить дело. Я завертел головой и вдруг заметил толстый электрический кабель, ведущий от столба в стороне от дома прямо на крышу. Кабель, как и положено, был подвешен к металлическому тросику, один конец которого прикреплялся к столбу, а другой – к «гусаку» возле чердачного окна.

Перебежав к столбу, я на ходу снял ремень, свернул из него петлю, закрепил на запястье правой руки – левая, раненная, вряд ли выдержала бы вес тела. Столб, бетонный, круглый, торчал из снега, напоминая ствол какого-то диковинного дерева. Я завел ременную петлю за него, натянул, уперся ногами в бетон и по-папуасски полез наверх, рывками передвигая ремень.

Столб, имевший в высоту от силы метров семь-восемь, все же существенно превышал высоту дома, и поэтому тросик с кабелем имел приличный наклон – на глазок градусов двадцать-тридцать.

Добравшись до верха, я ухватился руками за ржавую перекладину, к которой крепились чашечки изоляторов и, действуя одной левой, достал из кармана тюбик с оружейной смазкой. Щедро полив ремень, я поменял на секунду руки и заскрипел зубами от боли – рана, покрывшаяся уже корочкой, заныла, запульсировала, видимо, снова пошла кровь...

Перебросив ремень через тросик, я ухватился за свободный конец, и заскользил к дому, моля лишь об одном – чтобы изрядно проржавевшая струна тросика выдержала!

Уже над бурьянным садом-огородом, над сухостойным хаосом, я застрял – одна из металлических жилок тросика задралась и затормозила скольжение, но это препятствие все же было преодолимо – зацепившись за тросик ногами, я просто «перепрыгнул», перекинул ремень через заусеницу и продолжил свой путь по воздуху, вскоре мягко затормозив ногами возле самого «гусака» – изогнутой металлической трубы, в которую уходил кабель.

Ходить по крыше я не рискнул – хозяин мог услышать шаги и скрип снега. А вот проникнуть на чердак можно было попытаться, благо, чердачное окно было прямо перед ним. Маленькое, сантиметров сорок на пятьдесят, наглухо прибитое к раме, вместо стекла оконце было закрыто листом крашеного пластика.

Достав из чехла нож, я осторожно отодрал рейки, удерживающие пластик, балансируя на узеньком карнизе фронтона, а прямо под мной лежал на снегу освещенный светом из окна четкий квадрат – в комнате горело электричество, но никаких звуков не долетало, сколько я не прислушивался.

Вытащив кусок пластика, очень медленно, стараясь ни чего не задеть, я вполз в слуховое окно, включил маленький, как карандаш, фонарик, зажал его в зубах, чтобы луч света всегда падал туда, куда поворачивается голова, и двинулся по потолочной балке-матице к смутно белеющей в темноте печной трубе – через нее я надеялся подслушать, что твориться в доме, и есть ли там посторонние...

Внизу стояла удивительная тишина – не работал ни телевизор, ни радио, не слышалось звуков шагов, звона посуды, или еще каких-нибудь бытовых, обыденных для человеческого жилища звуков. Это насторожило меня – если в доме никого не было, тогда почему в окнах свет? Или хозяин уже знает о незваном госте, и затаился, готовя встречу?

Так или иначе, пора было спускаться вниз. Я нашарил лучом фонарика в темноте квадратную крышку люка в углу чердака, осторожно добрался до нее, надеясь, что меня все же не обнаружили, а хозяин просто спит. Люк имел в центре кривую деревянную ручку, сделанную из коряги. «Хозяин-то – эстетик, мать его!», подумал я, взялся за полированную кривульку, чуть потянул, и к величайшему моему удивлению, люк поддался!

Без шума, без скрипа крышка вышла из пазов. В освещенном снизу квадрате люка я увидел крутую лестницу с широкими ступенями, но без перил. В нос сразу же ударил запах недавно топленной печи, какой-то еды, и столь знакомый мне еще с институтских времен аромат расплавленной канифоли. По-прежнему было очень тихо...

Что ждет меня там, внизу? Хозяин дома мог расценить мое появления, как угодно, и надо было постараться, чтобы он не встретил незваного гостя пулями. «Если бы я знал, какие у него карты – имел бы квартиру в Адлере», – так перефразировал известную поговорку таксист-грузин, как-то подвозившись нас с Катей. Катя... Я почувствовал, что как во мне закипает злость. Суки!

Я поставил одну ногу на верхнюю ступеньку, к самому краю – чтобы не скрипнула, потом, медленно, опустил вторую на следующую, и так, не спеша и постоянно оглядываясь, спустился до половины лестницы.

Лестница находилась в самом углу узкого коридора, который, видимо, вел через весь дом, от входной двери до кухни. В коридор выходили несколько дверных проемов – комнаты. Я уже собрался было окликнуть хозяина, но тот сам, первым, вступил в «дискуссию».

Раздался какой-то еле слышный скрип, но мне он показался оглушающим. Нервы едва не подвели меня – беретта словно бы сам прыгнула в ладонь, и я с трудом сдержался, чтобы не открыть пальбу во все стороны.

Мягко спрыгнув вниз, я присел, и в тот же миг автоматная очередь вспорола воздух. Пули с противным визгом неслись вокруг, полетели отколотые от брусьев лестницы щепки...

– Не стреляйте, я – Воронцов! Мне надо поговорить с вами! – крикнул я, скрючившись под лестницей, за каким-то сундуком. Ответом была тишина. Тогда я повторил:

– Не стрелять! Я – Воронцов! Надо поговорить!

В ответ снова загрохотал автомат и полетели пули. «Убьет ведь так, к чертовой матери!», – пронеслось у меня в мозгу. Я прыжком пересек пространство коридора, влетел в комнату, судя по всему, спальню, закатился за шкаф, выставив пистолет, и снова крикнул:

– Эй, хозяин! Мне надо с тобой поговорить! Перестань стрелять! Что ты, как мудака, в конце концов!

Скрипнула половица, зазвенели раскатывающиеся по полу гильзы – видимо, стрелок молча менял позицию, не желая вступать в переговоры. «Он в дальней комнате!», – прикинул я: «А сейчас, наверное, переползает в коридор! Черт, что же делать? Надо как-то его обезоружить... Убьет ведь!»

Отчетливо лязгнул затвор. Автомат загрохотал вновь – хозяин, прячась за углом, всунул руку с оружием в комнату и принялся поливать ее очередями, методично передвигая ствол вверх-вниз. Патронов он не жалел, да и собственную мебель тоже. На мое счастье, стрелок начал с дальней части комнаты, прошив пулями кровать и тумбочку, и у меня появился шанс...

Выпрыгнув из-за шкафа, я одним прыжком пересек комнату, и наступил ногой на торчащий из-за угла калашников, укороченную «ментовскую» модель, заблокировав подошвой ботинка затворный механизм. Лежащий в коридоре хозяин дома выпустил автомат, от неожиданности вскрикнул, и прежде чем я успел что-нибудь предпринять, сиганул мимо меня на кухню.

– Стой, дурак! – закричал я, бросаясь за ним, и тут же получил по голове чем-то тяжелым, железным, да так, что упал, и пока вставал, пытаясь избавиться от огненных кругов в глазах, упустил время.

– Лежать! – загремел надо мной властный голос: – Руки поднять, пальцы растопырить, чтобы я видел! Не двигаться!

Прямо мне в лицо смотрели два ствола шестнадцатого калибра – хозяин дома был вооружен, словно бандит какой-то! Верная беретта валялась на полу в трех шагах от своего владельца, и дотянуться до нее под черными зрачками ружья я ну ни как не успевал... Но, с другой стороны, наконец-то появилась возможность нормально, без стрельбы, поговорить...

– Кто таков? – хмуро спросил хозяин дома, сурово глядя на меня поверх взведенных курков. Мужиком он был колоритным – кряжистым, плечистым, лысым, в меховой безрукавке поверх клетчатой фланелевой рубашки, с перебитым носом и безжалостными голубыми глазами.

«Вот так должны выглядеть маньяки!», – подумал я, а вслух ответил на вопрос:

– Моя фамилия – Воронцов! Ты – Связной! Мне надо связаться с Центром, у меня... У меня есть для них кое-что!

– Подстава... На хрен!.. – утвердительно, словно и не слыша меня, качнул головой голубоглазый Связной: – Вставай, пойдем на двор!

– Зачем? – удивился я.

– Не буду я твоею смертью свой дом поганить!

– Мужик, пойми – я тот самый Воронцов, у меня ПРИБОР! – сделав над собой усилие и стараясь не вникать в смысл последней фразы, отчаянно крикнул я, медленно поднимаясь – голова после удара чугунной сковородой гудела, как колокол. Мне начинало казаться, что Наставник обманул нас, дав неверный адрес, и сейчас передо мной стоит просто случайный человек, у которого почему-то дома оказался целый оружейный магазин. Правда, случайный человек сильно походил на вожака какой-нибудь банды типа «Черной кошки», а такие совпадения не бывают случайными...

Голубоглазый вновь никак не отреагировал на мои слова, спокойно дождался, когда я встану, качнул стволом:

– Иди, сука!

«А ведь точно – убьет!», – сжался вдруг я: «С такими глазами – убьет, как высморкается! Что делать, твою-в-три-бога-душу-мать!?»

– Пошел, я сказал!! – рявкнул мужик, ткнул меня стволами в бок. Надо было падать, словно бы от тычка, хватать беретту, и пока голубоглазый будет опускать ствол своего неуклюжего ружья, всадить в него пулю, но боязнь потерять единственную ниточку, связывающую меня с Центром, с Катей, помешала сделать это...

Я двинулся по коридору, спиной чувствуя, как елозит сейчас палец голубоглазого по спусковым крючкам двустволки. Пора было выкидывать последний козырь:

– У меня Прибор, которым интересуется Центр! Я готов отдать его, в обмен на свою жену, которую ваши захватили! – вновь в отчаянии крикнул я, но в ответ стволы ружья снова больно ткнули его в ребра:

– Иди, козел!

Когда мы с конвоиром проходили мимо открытой двери одной из комнат, я скосил глаза и увидел четыре серых монитора на столе, в которых четко «висели» передаваемые с обзорных камер картинки – подходы к дому со всех четырех сторон!

«Он все видел!», – понял я, заметив в левом мониторе джип, и даже разглядел огонек сигареты Бориса внутри машины. «Я ему не нужен! Он убьет меня, а потом пойдет за Прибором! Он наблюдал, как мы приехали, как я выходил из машины, как проникал в дом... Господи, какой же я наивный лох!»

Я аж закрипел зубами от собственной тупости и бессилия. Надо было что-то делать... Близкое расстояние, на котором сзади шел голубоглазый, давало мне кое-какие преимущества, и я решил ими воспользоваться. Я не хотел ни убивать, ни калечить хозяина дома, но обстоятельства, ситуация снова поставила меня в условия, когда принцип «Убей, или тебя убьют!» стал главным.

Резко присев, практически упав на колени, я вырвал из левого рукава нож и из такого неудобного положения, снизу вверх, вполуоборота, метнул клинок. Прямо над головой грохнули выстрелы, но ружье выстрелило впустую, «волчья» картечь с воем врезалась в стену, разворотив в обоях две дыры с кулак величиной каждая.

Одновременно голубоглазый вскрикнул, загремела упавшая двустволка, а следом за ним и хозяин оружия завалился на спину и упал, разбросав руки. Из правой его глазницы торчала узкая, оплетенная кожей рукоять брошенного мною ножа...

«Что же теперь делать?!», – в сотый раз спрашивал себя я, мечась по дому. Уже обшарено все, найдена куча оружия, пачки листовок и воззваний к членам «КИ-клубов» возле ксеркса, но это все не то, не то...

Я осмотрел аппаратуру наружного наблюдения, радиопередатчик, разобранный хозяином. Видимо, когда мы с Борисом приехали, Связой как раз ремонтировал его – рядом с передатчиком на столе валялись инструменты, стоял паяльник, баночка с канифолью и припой...

«Что же теперь делать?! Связой убит, Наставник больше ничего не знает! Как теперь выходить на этот проклятый Центр?!», – я мерял шагами комнату, нервно куря уже третью

сигарету. Вдруг из коридора послышался сдавленный стон. Я бросился туда, еще не веря, но увиденное потрясло – голубоглазый Связной не только ожил, он даже умудрился сесть, и теперь подтягивал к себе валяющееся по моему недосмотру рядом на полу ружье! А ведь когда я выдергивал из его залитой кровью глазницы нож, Связной казался мертвее мертвого.

– С...ука-а! – просипел раненый, разглядев единственным целым глазом меня, склонившегося над ним: – Тебе... Все равно... не жить! И... бабе твоей... тоже!

– Кому из нас уж точно не жить, так это тебе! – сурово сказал я, наступая на вороненый ствол ружья: – Я бы мог вызвать врача, и спасти тебя, если ты сейчас, безо всяких условий скажешь мне, как попасть в Центр, или хотя бы как с ним связаться!

Голубоглазый, привалившись к стене, покачал головой:

– Я... умру! Но я... Ты... все равно туда... не попадешь! Ирисограмма... замок открывается только... по ирисограмме моего левого... глаза!

– Какой замок? Где он находится? Говори! – Я встряхнул раненого, тот застонал, на миг потерял сознание, потом пришел в себя, и уже слабеющими губами прошептал:

– Все равно... Теперь уже все... равно! Ты... Камера связи... в подвале дома... улица Героев Панфиловцев, дом номер... пятнадцать.

– Что за камера связи?! – крикнул я, понимая, что Связной решил перед смертью облегчить душу, и говорит он правду – какой ему сейчас смысл врать? Связной прошептал:

– Камера связи за черной железной... дверью... Потом вторая... дверь... Тебе... все равно не пройти! Нужен я... А я помер... Помер! В камере... видеотелефон... и кнопка... Экстренный вызов... Но... Все!

Он вдруг выгнулся, как в судороге, захрипел, силясь еще что-то сказать, потом вытянулся, откинув голову, и перестал дышать. Все было кончено – Связной, имя которого я так и не узнал, умер!

С минуту я посидел над трупом, повторяя в уме все услышанное, что бы запомнить. «Что такое „ирисограмма“? „Ирисограмма левого глаза“? Неужели он имел в виду рисунок радужки? Устройство замка сканирует рисунок радужки, эту самую ирисограмму, а потом сравнивает с запрограммированной, и если совпадение – открывает замок! Фантастика! Но если это так, он прав – без него я туда не попаду! Или...»

Раздумывать особо было некогда. Жалости к покойнику в этот момент я не испытывал. В конце концов, Связной сам наварлся – я просто хотел поговорить, а в результате чуть было не погиб! Я сбегал на кухню, притащил первый попавшийся пакет и склонился над трупом... Возможно, за это на том свете меня ожидают вечные муки, но сейчас меня более всего заботил свет этот...

Потом я вскрыл провод, подключающий ксерокс к сети, вставил между оголенными проводками кусок свечки, воткнув в нее жало предварительно остуженного в воде паяльника. Две канистры бензина, обнаруженные в кладовки, пришлось очень кстати – я залил бензином пол в комнате, вокруг своего импровизированного запала, обильно полил коридор и труп Связного. После этого я воткнул паяльник в розетку, подошел к входной двери, и вдруг замер, пораженный – что-то изменилось в доме с того момента, как я проник в него. Нет, не вещи, разбросанные тут и там, не хитроумная машина для заметания следов – изменился запах. Что это был за запах, сказать было трудно, но так пах отнюдь не разлитый бензин или пороховой дым, стойко висевший в коридоре после перестрелки. Я физически ощущал, что теперь в доме ПАХЛО СМЕРТЬЮ...

– Ну что? Удачно? Ты с ним договорился? Почему так долго? – Борис, истомившись от ожидания, встретил меня кучей вопросов.

– Потом расскажу! Быстро поехали отсюда... Скоро тут будет жарко! – процедил я, садясь в машину. Мне в этот момент казалось, что я близок к сумасшествию. То, что произошло в

доме Связного, походило на кровавый, ужасный сон, и мой мозг, так спокойно и четко действовавший там, теперь отказывался поверить в то, что я, я, Сергей Воронцов, был главным действующим лицом всего этого кошмара...

Борис хмыкнул, выжал сцепление, мотор взревел, джип тронулся и вскоре влился в поток машин на Кольцевой дороге.

– Куда едем?

– Улица Героев Панфиловцев. Кажется, это где-то в Тушино. Борька, давай поскорее, уж поздно! – я перезарядил беретту, закурил, потом бесцветным голосом произнес:

– Он чуть не убил меня... Я защищался, и в результате убил... его! Но перед смертью он мне сказал, как связаться с Центром! Давай, жми, у нас мало времени!

Ехали молча. Я понимал, что сейчас должен чувствовать Борис – взялся помочь другу, а результате влип в дикую историю с убийствами, похищениями... Да и меня самого колотил нервный озноб – нелегко переступить через себя, нелегко из нормального человека становиться безжалостным убийцей... Но Катя! Не перед людским, так по крайней мере перед божьим судом я надеялся оправдаться – я делал все это, спасая свою любовь и своего будущего ребенка...

Вокруг проносились машины, мелькали дома, люди на тротуарах, столица жила своей обычной жизнью и ей не было никакого дела до загадочного Центра, фантастического Прибора, и жутких планов неизвестных благодетелей, вознамерившихся вдруг разом сделать всех жителей России умниками и умницами...

Чтобы отвлечься, я представил, что сейчас твориться в доме Связного – вот нагретый паяльник расплавил свечку, провода соединились, сыпанули искры, бензин вспыхнул, и в считанные мгновения пятистенки охватило пламя. Дом должен сгореть минут за двадцать, сгореть до тла, а пожарные и милиция, которые приедут часа через полтора, будут с умным видом ходить по пепелищу и ломать головы, что же тут случилось...

Джип неся по Сущевскому валу – дальше Борис предполагал свернуть на Ленинградский проспект, а с него уйти на Волоколамку. Машина летела на очень высокой скорости, я забеспокоился даже, не возникнет ли у нас проблем с гибдэдэнистым ГАИ, и как будто сглазил!

– Серега, менты! Гаишники тормозят! Что делать?! – крикнул вдруг Борис, поворачивая к мне встревоженное лицо.

– Спокойно, Боря! Останавливайся, выходи, если что – плати штрафы, давай взятки, только води себя как можно естественнее. Я буду в машине. Если нас засекут – все, хана!

Борис остановился, вытащил из борсетки права, техталон, паспорт, доверенность и рысью подбежал к двум закутаным в тулупы важным гаишникам.

Я следил за другом в зеркальце заднего вида. Вот Борис подошел, что-то начал объяснять, вот отдал права... Только бы им не взбрело в голову проверить машину! Ага, вроде все нормально – Борис полез в бумажник, отдает деньги... Что за черт!!!

Неожиданно вспыхнул яркий свет, к Борису и гаишникам через сугробы бегом бросились какие-то люди, из остановившейся неподалеку «Газели» выскочил мужик в милицмейской форме с видеокамерой на плече...

«Мать вашу!», – выругался я, наблюдая, как несколько человек крутят руки гаишникам, как «стражи дорог» пытаются закрыться от камеры...

Люди на тротуаре останавливались, подходили посмотреть, прибыл, мигая оранжевыми огнями, автомобиль с броской надписью «ТВ. Дорожный патруль», еще два оператора с камерами и шустрый парень с микрофоном засуетились в образовавшейся толпе, а потом вдруг луч прожектора метнулся к джипу, в котором сидел я. Объективы камер уставились на меня, и я едва успел пригнуться, чтобы не попасть в кадр.

Бледный Борис вернулся минут через десять, когда гаишников уже увезли на милицмейском «Уазике», уехал «Дорожный патруль», и толпа начала расходиться.

– Зараза, думал – все! Засыпались! – Бориса колотила нервная дрожь, он закурил, судорожно затягиваясь, завел машину, сплюнул в открытое окно.

– У ментов, кажется, это называется «Служба собственной безопасности МВД», сегодня какой-то рейд по борьбе с поборами гаишников! Представляешь, как глупо мы влетели? Капитан, который нас остановил, мне говорит: «Вы превысили скорость!» Я ему: «Виноват, торопимся, жену встречаю, поезд через двадцать минут прибывает!» А он: «Придется заплатить штраф!» Ну, я спрашиваю: «Сколько?», а в ответ слышу: «Двести пятьдесят, если хотите разойтись миром. Иначе протокольчик будем составлять, а это как раз минут двадцать займет!» И ржет, тварь... Прикинь? Ну, делать нечего, достаю деньги, и тут... Опера, видать, даже в снег закапывались, так и выскочили, прямо чуть ли не из под ног! А из «Газели», она в стороне стояла, это все, оказывается, снимали! Во, блин! Расскажи кому – не поверят!..

– Ладно, пронесло, и слава Богу! – махнул я рукой: – А я уж решил, что это Урусов нас выследил!

– Кто такой – Урусов? – удивился Борис.

– Бывший полковник ФСБ, начальник Отдела Охраны института, до недавнего времени мой непосредственный начальник... – ответил я: – Давай, Борька, поехали быстрее!

До Тушино добрались без приключений. Пятнадцатый дом, длинная, изогнутая многоэтажка, из тех, что в народе называют «китайскими стенами», имел подвал только под четырьмя подъездами.

– Сиди в машине, жди! – бросил я Борису, захватил на всякий случай дипломат и полез из джипа, но потом подумал и как можно убедительнее сказал:

– Сдается мне, что твое участие во всем этом, старик, закончилось! Я просто не имею права дальше подставлять тебя! Если что-то случится, я себе никогда этого не прощу! Давай, Борька, поезжай, дальше я уже сам!

– Ну уж нет! – решительно замотал головой Борис: – Ты мой друг, я тебя не брошу!

– Да пойми ты, дурило! Я не знаю, как все дальше пойдет, возможно, как только я освобожу Катю, мне сразу придется сдать ФСБ! Я уже убил несколько человек! Это статья, срок! Ты же пойдешь, как подельник! Ты о Лене, о сестре, о племянниках подумал? Как они без тебя? Ты же единственный взрослый мужик в семье! И потом – если меня посадят, кто Кате будет помогать?

Борис внимательно выслушал меня, и снова отрицательно замотал головой:

– Все понимаю, сам не дурак, но тебя я не брошу! И не уговаривай, не брошу, и все!

– Ну ладно... – махнул рукой я, видя, что мне не переубедить друга: – Все равно тебе в подвале делать нечего! Давай, езжай к этому, спеленатому Наставнику, размотай его, освободи, но скажи, что наверх он выйдет только после того, как досчитает до тысячи! Он напуган, будет сидеть и считать, как миленький! А ты в это время дуй назад, сюда! Если меня не будет вот тут, на этом самом месте, значит, я вместе с теми, кто должен приехать, отправился в Центр. А если нет... Если нет, я буду стоять тут и ждать тебя. Но будь поосторожнее – вдруг Наставник освободился, и там засада. Ну, с Богом! Пока!

Я вылез из машины, джип взревел и умчался прочь, вздымая снежную пыль. С минуту постояв в задумчивости, разглядывая подъезды, запертые подвальные двери, я прикинул, откуда лучше начать, и решительно зашагал к крайней.

Дверь в подвал была заперта на простой взрезной английский замок. Я без труда открыл его и нырнул в сырую, теплую, пахнущую гнилью темноту. Узкий луч фонарика лишь чуть-чуть рассеивал мрак, но с трех шагов освещал предметы достаточно четко, и я начал обследовать стены подвала в поисках черной двери.

Вскоре выяснилось, что подвалы под домом сообщаются между собой, но никакой черной двери я нигде не обнаружил. Пройдя насквозь три подвала, я всерьез начал подумывать, что Связой просто одурачил меня...

Четвертый подвал, самый грязный и мрачный, хранил следы пожара – бетон стен и перекрытий тут был основательно закопчен, проводка и термоизоляция труб обгорела, в воздухе ощутимо пахло застарелой гарью.

Черная железная дверь нашлась в самом дальнем углу – обыкновенная дверь в какое-нибудь электротехническое помещение, щитовую или трансформаторную. Светя себе зажатым в зубах фонариком, я склонился над замком, припомнив слова Связного: «Первая дверь обыкновенная!»

И действительно, простой замок легко открылся. Я с усилием распахнул громко заскрипевшую дверь и попал в небольшую, полтора на два метра, комнатку. Сырой кирпич, обрывок шнура под потолком, выпотрошенный электрощиток с отломленным рубильником на стене – никаких признаков скрытой второй двери...

Методично ощупывая и постукивая стены, я вскоре наткнулся на фальшивый кирпич – металлическая пластинка с керамическим покрытием, расположенная на уровне глаз взрослого человека среднего роста, внешне ничем не отличалась от других кирпичей, если бы не гулкое эхо при ударе об нее.

Перехватив нож, рукояткой которого постукивал кирпичи, я кончиком лезвия попробовал скосырнуть пластинку. Не сразу, но мне это удалось – раздался щелчок, пластинка, словно крышка маленького люка, откинулась на скрытых петлях, и тут же мне в лицо ударил луч холодного, мертвенного голубоватого света.

Из глубины образовавшейся ниши с тихим жужжанием выдвинулась металлическая трубка со стеклянным объективом на конце. «Замок открывается только по ирисограмме моего левого глаза!», – вспомнил я, полез за пазуху и достал свернутый пакет, который он не стал показывать Борису. Содрогаясь от омерзения, я развернул оглушительно шуршащий в тишине целлофан, запустил внутрь руку и достал, держа за хвостик нервного окончания, окровавленный шарик левого глаза Связного...

Приложив глаз к объективу, я на всякий случай свободной рукой достал пистолет. Жужжание сразу сменилось на тревожный сигнал зуммера, голубой свет вспыхнул ярче, а потом вдруг померк, трубка ушла в нишу, и тут вся стена, вместе со ржавым рубильником, кирпичами, и обрывками проводки начала медленно отползать в сторону!

Глазам моим открылся низкий, узкий проход, скупо освещенный несколькими тусклыми лампочками. Я на всякий случай прикрыл внешнюю, железную дверь и шагнул вперед. Проход заканчивался одной-единственной дверью, металлической, но без замка. Я открыл ее и оказался в квадратной комнате. Сразу бросился в глаза странный аппарат – микрофон, плоский экран монитора и видеокамера на кронштейне. «Так вот он каков, видеотелефон!», – подумал я, и заметил на стене, под стеклянным колпаком, большую красную кнопку, а рядом – изящный титановый молоток, такой же, какие должны быть в автобусах.

«Кнопка экстренного вызова!», – догадался я, без колебаний вытащил молоток из лапок держателя и разбил стекло. Кнопка легко утопилась в гнезде, и словно прилипла там. Все, дело было сделано, оставалось только дожидаться посыльных из Центра.

Можно было бы воспользоваться и видеотелефоном, но куда и кому звонить, без номера, совершенно не разбираясь в этой мудреной технике?

Я постоял минут пять, ожидая, что кто-нибудь из загадочного Центра сам позвонит сюда, узнать, что случилось, но ничего не происходило, и решив, что будет лучше, если посланца или посланцев я подожду снаружи, в темноте, так, на всякий случай, я вышел из комнаты с рубильником.

Не смотря на всю ирреальность происходящего, я с интересом пронаблюдал, как стена сама по себе закрылась, потом вышел в темноту подвала, отошел от железной двери шагов на десять в сторону и присел на теплую канализационную трубу. Оставалось только ждать!

Он появился минут через двадцать пять – шел по подвалу к камер связи, в абсолютной тьме, и только тихие шаги и шорох катышков керамзита дали мне понять, что посланец появился. Я достал из нагрудного кармана жилета и одел захваченный с собой еще вчера прибор ночного видения – обещал показать его ребятам из «ОО». Пользоваться этим «ночным глазом» можно было только в экстренных случаях – аккумулятор разряжался слишком быстро...

Тьма вокруг сразу сменилась зеленоватым мерцанием, а из дальнего проема возникла человеческая фигура, тоже в каких-то странных очках и с полновесным армейским калашниковым в руках.

Я особо не прятался, даже встал и вскинул руку, давая понять идущему, что не собираюсь причинять ему зла, но как только меня заметили, человек без предупреждения вскинул автомат, прогрохотала очередь, и зеленоватый сумрак разорвали пятна мрака – так в «ночном глазе» выглядели вспышки выстрелов.

Пули процокали по стене, одна срикошетила от бетона и пробила куртку слева, почти напротив сердца. Только усиленная пластинка бронежилета спасла мне жизнь...

«Да что же они за люди – сперва стреляют, а потом разбираются!», – пронеслось у меня в голове, а тело уже привычно среагировало на опасность – я упал, откатился в сторону, выхватил пистолет, ловя на мушку посланников Центра, а на ум вдруг пришло: «Что-то слишком часто в последнее время...» Что «слишком часто», додумать я не успел – присмотрелся к манипуляциям «центровика» и обмер – тот вставлял в подствольный гранатомет цилиндрок гранаты.

«Ну все, сейчас шарахнет, и никакой „броник“ не спасет!», – подумал я и крикнул, как уже кричал Связному:

– Не стреляйте! Я – Сергей Воронцов! Мне надо связаться с кем-нибудь из руководства! У меня Прибор!

В ответ человек вскинул автомат, и я понял, что если сейчас ничего не предпринять, то смерть моя будет скорой и бесславной. Я дважды выстрелил, целясь в ноги, но после первого же выстрела стрелок упал и вторая пуля прошла мимо – я хорошо видел, как от стены за упавшим посланником отлетели бетонные крошки.

Он вскочил неожиданно, наугад дал очередь в темноту, потом бухнул подствольник и граната с диким грохотом взорвалась в ложной «электрощитовой»!

Посланник бегом бросился к выходу, петляя, как заяц. Я вскочил и устремился за ним, крича на бегу, и прижимая раненой рукой к телу дипломат с прибором.

Человек с автоматом добежал до выхода из подвала, на ступеньках дал еще одну очередь, едва не задев меня, и выскочил наружу. Выбежав вслед за ним, на ходу срывая с лица очки, я увидел, как тот садиться в стоящую неподалеку серую «Ауди».

«Все! Упустил! Где теперь его искать!», – в отчаянии подумал я. Вокруг уже останавливались удивленные необычным видом мужика с пистолетом, поздние прохожие, жильцы дома, выгуливающие собак...

«Ауди» взревела своим далеко не слабым движком и на дикой скорости, пугая собак и их владельцев, рванулась с места. И тут удача мне улыбнулась: сзади я услышал знакомый сигнал, – Борис вернулся! Это была удача, из тех, которыми крайне редко, но все же награждает судьба...

Я рывком открыл дверь, прыгнул на сиденье, указал пальцем на удаляющиеся габаритные огни «Ауди»:

– Борька, срочно за ним!

Борис не понимая глянул на меня:

– Чего тут такое? Серега, нет на месте этого Наставника, выкрутился, гад...

Я махнул рукой – после, после, давай, вперед!

Борис хмыкнул, но послушно выжал сцепление, и джип рванулся с места – в погоню!

«Ауди» на предельной скорости уходило по Героев Панфиловцев, обходя редкие в это время суток – было уже к полуночи – машины. Борис довольно быстро сократил дистанцию до тридцати-сорока метров, но потом водитель «Ауди» понял, что его преследуют, и надал так, что наш джип начал отставать.

Мы свернули вслед за преследуемой машиной сперва на Планерную, потом – на улицу Свободы.

– Ко МКАДу едет! – процедил Борис: – А за ним поселки – Новобутаково, Новые Барашки! Если он знает дороги, уйдет! Там всяких проселков – тьма-тьмущая... Во шпарит, гад! За сто пятьдесят, нет, вру! За сто восемьдесят!! Мы сейчас, похоже, взлетим!

Впереди показалась залитая оранжевыми огнями МКАД. Улица Свободы выходила на нее хитрой развязкой, и Борис надавил на газ, стремясь хоть тут «достать» «Ауди». Джип более устойчиво вел себя на поворотах, и Борису не пришлось сильно сбрасывать скорость, вписываясь в изгибы развязки.

– Как тут у тебя окна открывается? – спросил я.

– Там, на двери, клавиша есть такая! Нажми, стеклоподъемник автоматический!

Я опустил широкое окно джипа до предела, вытащил пистолет и до половины высунулся наружу, упершись ногами в сиденье. Ледяной воздух хлестнул по глазам, высекая слезы, мешая смотреть... Прищурившись, я вытянул вперед руки с зажатым в них оружием. «Стреляй, Глеб Егорыч!..»

– Куда, дурак?! – всполошился Борис: – Выпадешь, убьешься!

– Не лезь! – рывкнул я на него, поудобнее перехватил пистолет двумя руками, прицелился и выстрелил по колесам уходящей за поворот «Ауди». Мне обязательно надо было «добыть» посланника живым, иначе обрывалась и эта ниточка, и поэтому я стрелял очень аккуратно, тщательно, насколько это можно было на такой скорости в прыгающей на кочках машине, целясь...

– Серега! Погоди, хотя бы МКАД проскочим! – проорал Борис, дергая меня одной рукой за штанину: – Тут и менты могут быть, и вообще народу полно! Вдруг ты попадешь в кого-нибудь!

Я влез обратно, уселся на сидение, закурил:

– Я хотел резину ему попортить, на сдутом колесе далеко не уедешь!

«Ауди» тем временем выскочила с развязки на Кольцевую, и резко прибавив скорости, начала уходить к Ленинградскому шоссе.

– Где там следующий сворот со МКАДа? – спросил я, следя глазами задвигающимися впереди, метрах в пятидесяти, среди других машин, огнями «Ауди».

– Не помню! – ответил Борис: – Посмотри в бардачке, там есть карта! Но, по-моему, Ленинградка, она уже близка! А там ментов... Как грязи!

Однако Ленинградское шоссе «Ауди» проскочила, не снижая скорости, и свернула с Кольцевой только в районе платформы Левобережная.

– В Химки уходит, гнида! – определил Борис: – Ничего, там-то мы его и достанем, голубчика! В Химках сроду путных дорог не было, он себе все дно порасшибает об их колдобины!

Залитый огнями МКАД остался позади, теперь мы мчались по узкой, темной дороге, обсаженной с двух сторон чахлыми, голыми, как будто кастрированными тополями. Позади заревом на полнеба осталась Москва, а впереди уже виднелись огоньки Химок.

Кусок земли, по которому мы сейчас неслись со скоростью в сто пятьдесят километров в час, как бы отделял мегаполис от пригорода. Здесь было пустынно, тихо и темно. Я понял, что «Ауди» надо брать сейчас...

– Борька, постарайся не вилять! – крикнул я другу, открыл окно и снова до половины вылез наружу, вскидывая беретту.

Пистолет издал несколько сухих, отрывистых звуков, похожих на кашель, и сразу потонувших в бешеном реве двигателя и гуле шипованных колес джипа. Я увидел, как разлетелся вдребезги левый задний фонарь «Ауди», прицелился, и дал новую серию выстрелов.

Еще во время учебы в «Щите» стрелять из движущейся машины для меня всегда было сущим наказанием. Трясущиеся руки мешали нормально прицелиться, все прыгало и дергалось... Наверное, так себя ощущал бы скрипач-виртуоз, если бы ему предложили сыграть что-нибудь крутое и сложное, стоя на вибростенде!

Но на этот раз я попал! «Ауди» словно бы присела на задние колеса, потом вдруг резко пошла юзом, машину развернуло и подбросило в воздух. Пробитые колеса на скорости под сто восемьдесят сработали, как граната под днище...

– Тормози! – заорал я Борису, наблюдая за кувыркающейся по темной обочине «Ауди». «Только бы не взорвалась!», – подумал я – нельзя терять ниточку, связывающую с Центром, а значит, с Катей, никак нельзя!

«Ауди», к счастью, не взорвалась. Машину раз десять перевернуло, выбросило с дороги в кювет, где она наконец успокоилась, застыв вверх колесами помятой глыбой металла.

На дороге, и снова к счастью, по случаю глубокой ночи машин практически не было, и никто не бросился спасти несчастную жертву ДТП. Борис лихо остановил джип прямо над поверженной «Ауди», я с пистолетом наготове вылез из машины, и в ту же секунду из «Ауди», постанывая, выбрался человек, и прихрамывая, устремился прочь, в чистое, заснеженное поле.

Я не выдержал, рассмеялся, выстрелил в снег перед бегущим, так, чтобы ковыляющий в двадцати метрах от него беглец понял, что лучшей мишени, чем он, и придумать нельзя, и крикнул, вновь используя фразу из популярного фильма:

– Ты не уgomонился еще?! Я же показал тебе, как стреляю!

Человек на снегу замер, потом, понуря голову, побрел обратно.

– Давай руку! – я помог ему выбраться из кювета, быстро сковал руки наручниками, а сам спустился к «Ауди», заглянул внутрь, но раздувшаяся белая аварийная подушка не давала возможности что-либо рассмотреть.

«Концы – в воду!», – почему-то подумал я, отрезал кусок от ремня безопасности, сунул один конец в бензобак, другой поджег и в два прыжка вернулся к джипу, возле которого мялся неудачливый беглец.

– В машину! – скомандовал я, быстро обыскал пленника, не найдя при нем ничего, кроме пластиковой карточки водительских прав на имя Суховерченко Петра Павловича и авторучки, запихнул захваченного на заднее сидение, сам сел рядом, тронул Бориса за плечо:

– Поехали!

Отставной полковник ФСБ Урусов сидел в своем рабочем кабинете и пил третий за последние два часа стакан кофе. Было уже полночь, а каких-либо фактов, указывающих на то, куда делся Сергей Воронцов и похищенный им прибор, не было. В том, что прибор похитил именно Воронцов, полковник, в общем-то, и не сомневался – слишком уж многое говорило ему об этом...

– Разрешите? – в дверь просунулась голова Федорова, тоже бывшего коллеги Урусова, «вычищенного» из рядов доблестной госбезопасности в звании капитана после известных летних событий, связанных с избирательной кампанией одного из кандидатов в президенты. Федоров исполнял обязанности начальника импровизированной опергруппы, работающей «по Воронцову».

– Заходи, Илья! – кивнул Урусов, отодвигая стакан: – Ну?

– Дело плохо! Осмотр квартиры и двора, где проживал Пашутин, не прояснили обстановку! – Федоров вынул из портфеля протоколы осмотра места происшествия: – Милицией обнаружен труп Пашутина, труп его соседки по квартире, и еще три трупа неизвестных лиц

мужского пола – в подъезде и во дворе! Все они не имеют документов, оружия и личных вещей, из чего не возможно ни установить личности погибших, ни их профессиональную принадлежность... Эти, трое, застрелены из беретты Воронцова, однако Пашутин и его квартирная хозяйка убиты из другого оружия, скорее всего, иностранного производства, марка устанавливается экспертами. Жильцы окрестных домов показали, что утром во дворе имела место массированная перестрелка с использованием автоматического оружия, слышались крики, звон разбитых стекол. В квартиру номер три, расположенную в доме напротив Пашутинского, на первом этаже, около десяти утра через окно вломился мужчина с коричневым дипломатом, по фотографии квартирная хозяйка и ее внучка опознали Воронцова. Из квартиры он выбрался через окно в соседний двор, после этого они еще слышали выстрелы, с крыши, и все, далее след Воронцова теряется!

– А его жена? – устало спросил Урусов, не услышав ничего нового для себя.

– Жена Воронцова, Екатерина Васильевна, с которой он в данный момент находится в состоянии развода, но проживает вместе, около десяти утра покинула свое рабочее место вместе с каким-то мужчиной, и больше не появлялась ни дома, ни на работе, ни у своей матери!

– Все продумал, все подготовил... – пробормотал Урусов, вдруг шарахнул кулаком по столу: – Ну, сучек! Никогда себе этого не прощу! Где его теперь искать? Жену увез, сам ушел, и Прибор... Все, вся работа – псу под хвост! Говорил я этим немцам-шведам – не скупитесь, бляха-муха! Нет, им подавай результаты на минимуме средств! У-у, в Бога, в душу, в мать!

– Они – швейцарцы, товарищ полковник! – подал голос Федоров.

– Да хоть японцы, один хрен! – рявкнул Урусов, стукнул кулаком по столу: – Ну, а вы? Что, зря вам такие деньги платят? Мать вашу, сыщики! Ищите, думайте! У него должны быть сообщники! Проверьте все связи, всех друзей...

– Уже проверили, товарищ полковник! Под подозрением Борис Епифанов, археолог, бывший сотрудник НИИ Архивного Дела. Ныне работает водителем в коммерческой фирме «Билдинг-АРС». К нему домой отправлены наши люди, надеемся получить сведения уже к утру!

– Почему к утру? – спросил Урусов.

– В данный момент Епифанова дома нет! На работе сообщили, что он позвонил старшему менеджеру около двух часов дня и отпрашился на весь оставшийся рабочий день – якобы встречать какую-то родственницу. Опрос домашних – сестры Епифанова и его жены, показал, что ни о какой родственнице они не знают, а отсутствием Епифанова встревожены...

– Илья, вы не запрашивали сводку – не было ли в течении дня еще каких-либо происшествий, косвенно связанных с Воронцовым?

– Суточная сводка будет готова минут через сорок!

– Давайте, как только – так сразу ко мне! – Урусов откинулся на скрипнувшую под его тяжестью спинку стула, отхлебнул остывший кофе, спросил:

– Устал?

– Есть немного, товарищ полковник! – улыбнулся Федоров.

– Кофе хочешь? Наливай сам, вон стаканы! – полковник кивнул на стоящую на боковом столике кофеварку и поднос со стаканами: – Воронцов, Воронцов... Вот что, запроси-ка Костянникова, из «нашего», ну, ты понимаешь, да? архива. Надо посмотреть материалы на него...

Глава третья

– Имя? Род занятий? – я ткнул захваченного кулаком в бок: – Да говори, что ты заткнулся, как...

– Он просто плохо понимает свое положение! – прервал Сергея Борис с переднего сидения: – Эй, братан! Мы не из всяких там МВД, ФСБ и прочих Рубопов! Мы сами по себе! У этого вот человека, который сидит сейчас рядом с тобой, ваши забрали жену, пообещав обменять ее вон на тот чемоданчик! Поэтому ты его не зли, спокойно и правдиво ответь на все вопросы и гуляй! Никто не собирается тебя убивать! Нам просто нужна связь с вашими шишками, понял?

– Да что ты ему объясняешь! – рассвирепел я, встряхнул молчаливого пленника так, что у того клацнули зубы: – Где находится Центр? Кто стоит во главе? Где моя жена?!

Ответом ему было молчание, и я пошел, что называется, ва-банк:

– Борька, останови!

Борис удивленно покосился на меня, но машину послушно остановил. Мы проезжали в этот момент какими-то глухими Химкинскими переулками, стремясь выбраться на Ленинградское шоссе, чтобы вернуться в Москву.

– Вылезай! – скомандовал я пленнику, вытащил пистолет, не выходя из машины, направил ствол в переносицу: – Если ты не будешь говорить, то ты мне не нужен! Я за сегодняшний день завалил столько ваших, что одним больше, одним меньше – мне уже все равно! Ты мог бы сохранить себе жизнь, но ты упустил эту возможность! Я не буду, как в дешевых фильмах, считать до трех, давать тебе последнюю возможность, я просто вот сейчас спрашиваю – ты скажешь мне то, что я хочу знать? Отсутствие ответа или слово «нет» означают, что ты уже умер!

– Я... – дрожащим голосом начал пленник, потом поперхнулся, и закончил уже более уверенно: – Я скажу! Но я ничего не знаю! Я всего лишь рядовой сотрудник из группы оперативного реагирования!

– Ладно! – кивнул я, убирая пистолет: – Садись в машину! Где моя жена?

– Я не знаю! Честное слово! Я даже понятия не имею, где она может быть! Хотя... В одном из превентариев!

– Где?! – хором спросили мы с Борисом.

– Ну, превентарий – это... Как я понимаю, это что-то вроде такого... Негосударственного института или лаборатории, где разные безработные ученые могут работать, как раньше, до перестройки!..

– И что же они там делают? – скептически хмыкнул я.

– Да всякое! – покрутил головой пленник, становясь все более разговорчивым: – Я осенью как раз два месяца охранял один, тут, в Подмосковье, так в нем, по-моему, химики трудятся, химичат чего-то там...

– А почему ты думаешь, что моя жена может быть в этом... превентарии? – спросил я.

– Ну, в офисе у нас ее нет! Это точно, я бы знал! А больше я мест, где можно было бы держать человека, не знаю! И потом: в превентарии же удобно – там и жилые корпуса есть, и столовая, и спортзал, и все остальное!

– А где находится этот... серпентарий? – спросил Борис, выехав, наконец, на Ленинградку и прибавив газу.

– Возле Ногинска! Там раньше был пионерский лагерь, а потом фирма его выкупила...

– А что за фирма и чем вообще она занимается? – после вопроса о Кате этот интересовал меня больше всего. Пленник приосанился и выдал:

– Поддержкой и развитием интеллектуального потенциала России!

– Чем-чем?! – переспросил я: – А на хрена же вам тогда такая охрана, с автоматами, и прочей амуницией?

– Так мозги сейчас в мире – самый ходовой товар! – важно объяснил парень, похоже, уверовавший в свое спасение: – На нас по началу столько наездов было! Ну, я тогда еще не работал, ребята рассказывали – страшное дело!

– Ладно, давай адреса офиса и этого... превентария, и можешь проваливать! – устало сказал я, и тут же спохватился – отпускать этого бойца было ни как нельзя, он сразу поднимет тревогу, хотя, тревога у них, наверное, и так уже по полной программе – Прибор, бойня во дворе пашутинского дома, Наставник, Связной, камера связи, исчезновение вот этого вот архаровца... Только бы они не решили отыграться на Кате!

– Вы меня отпустите? – потербил меня за рукав пленник.

– Нет, посидишь пока в одном укромном месте! – покачал я головой, ткнул Бориса в плечо: – Давай в тот подвальчик, помнишь?

Борис кивнул:

– Еще бы!

Пленника, предварительно обмотав скотчем, так же, как и Наставника, посадили в теплый подвал одного из старых домов на Бутырской улице. Когда-то давным-давно, казалось, в какой-то другой жизни, мы с Борисом, недавно познакомившиеся, опробовали там самодельный миноискатель, собранный самостоятельно, по схеме из Интернета – Борис тогда всерьез увлекался кладоискательством, оставив свою археологию.

На счастье, никто не видел, как мы вывели из машины нашего пленника со скованными руками и увели вниз по узкой, выщербленной лестнице. Из этого подвала через тайный ход можно было попасть в обширные подземелья под центральной частью Москвы, где мы с Борькой немало поблуждали в свое время.

В сами катакомбы я решил не лезть, а так же, как и с Наставником, примотал пленника к какой-то ржавой железной конструкции, наказав сидеть тихо. «Он все равно будет кричать, и утром его, пожалуй, кто-нибудь да услышит! Так что за ним даже не придется возвращаться!», – подумал я, вслед за Борисом поднимаясь по лестнице наружу.

Мы вышли на улицу, закурили, сели в машину. Борис зевнул и спросил:

– А теперь куда? В этот... серпентарий, или как?

Я потер руками слипающиеся глаза:

– Давай в превентарий! Если там пусто, поспим часа три-четыре, и с утреча нагрянем в офис!

Борис вздохнул, пробубнил что-то про то, что его выгонят с работы, завел машину и мы поехали...

Где-то в центре Москвы...

Учитель пребывал в состоянии черной меланхолии. Действительно – срывалась генеральная акция, тут было от чего впасть в уныние – более идиотской ситуации представить было трудно. Он все продумал, все просчитал, все проверил, а в результате все его планы летят к черту из-за одного слишком эмоционального телохранителя, имеющего привычку сперва стрелять, а потом думать. Учитель в раздражении походил по кабинету, потом подошел к черному треугольному столу и резко ударил ладонью по панели вызова – надо было на ком-то отыграться, и чем скорее, тем лучше...

Спустя пару минут в кабинет вошли Андрей Эдуардович и Дмитрий Дмитриевич, подошли к столу, но не сели, молча уставившись на своего шефа – характер Учителя они оба знали достаточно хорошо.

– Итак, господа хорошие, где!? Я вас спрашиваю, где Прибор? Молчание – это не ответ! Извольте дать какие-нибудь объяснения!

– Данных пока нет, господин Учитель! – негромко произнес Дмитрий Дмитриевич: – Если бы они были, вы бы уже о них знали... Ищем, проверяем, анализируем...

– Ага, они анализируют! – взвился Учитель: – Они проверяют! Меня не интересует процесс! Меня интересует только результат! Зарубите это на своем носу! А вы что молчите, Андрей Эдуардович? Вам вообще нечего сказать? Хороши помощнички...

Учитель некоторое время молчал, рассказывая вдоль одной из сторон стола, потом повернулся к по-прежнему молча стоящим замам:

– Попробуйте хотя бы выявить его связи – к кому он может пойти, к кому может обратиться за помощью, в конце концов, куда он пойдет спать этой ночью, домой-то ему нельзя!

– Работа по проверке связей Воронцова уже ведется, господин Учитель! Есть первые результаты, по ним проводится работа!

– Хорошо... – Учитель нагнул голову, потом подумал и сказал: – Я думаю, надо подключить к этим поискам милицию – пусть поработают на нас.

– Господин Учитель! В отличие от ФСБ, у нас нет своих людей, сколько-нибудь значимых в иерархии МВД. Только низовые сотрудники...

– Я знаю! Мы, как говорил вождь и учитель мирового пролетариата, пойдем другим путем! Напишите заявление об... ну, скажем, об ограблении одного из «КИ-клубов» его бывшим членом Воронцовым С.С., укравшим ценный научный прибор! Да, да! Чем правдивее информация, тем лучше! Пусть Воронцова ищут все – и ФСБ, и МВД! Я все продумал – нам помогут их же собственные предрассудки и традиции, сложившиеся еще в советское время! Взаимно проникающей информации не будет – эти ведомства идут на совместные действия только по приказу высшего руководства, а мы «зарядим» их снизу! Главное – тщательно проработайте все нюансы, сделайте грамотное заявление, пусть сыщики повертятся! Передайте им фотографию, все приметы Воронцова, но только так, чтобы комар носа не подточил! И обязательно оговорите с муровцами момент задержания – на нем должны присутствовать наши люди! Ну, придумайте что-нибудь, мол, прибор очень ценный, нужна консультация, а то при неквалифицированных действиях возможно... не знаю, ртутное загрязнение какое-нибудь, или еще что-то, словом, придумайте – не мне вас учить! Все, свободны...

Превентарий находился почти на трех четвертях пути из Москвы в Ногинск, и сторонний человек ни за что бы не догадался, что скрывается в конце неприметной, узкой дороги, ни к селу, ни к городу вдруг ответвляющейся от основной магистрали.

Борис свернул на эту дорожку, переключил фары на ближний свет, а потом, по моему совету, и вовсе выключил их. Дорога шла изгибами, вокруг расстилались перелески, рощицы, блестел под лунной снег. Борис вел джип медленно, вглядываясь в сереющую перед ним полосу асфальта.

Неожиданно за деревьями показались какие-то низкие строения.

– Тормози! – тронул я Борьку за руку: – Развернись и жди меня! Если что, уезжай! «Урововцы» наверняка уже было у тебя дома, поэтому придумай что-нибудь, какую-нибудь отмазку, где ты был!

– Что значит «если что – уезжай»? – возмутился Борис: – Нет уж, или мы уедем вместе, или...

– Ладно-ладно, не кипятись! – Я усмехнулся: – Будем надеяться, что «если...» не произойдет! Ну все, я пошел!

– Ни пуха, ни пера!

– К черту! – я вылез из машины, размял затекшие ноги, и быстрым шагом двинулся к белеющему в темноте, метрах в трехстах впереди, забору.

Дорога упиралась в железные ворота, едва освещенные двумя тусклыми оранжевыми лампами. Вокруг не было ни души, но я, притаившись в кустах, решил, что это кажущееся

безлюдье обманчиво – если учитывать тот уровень технической оснащенности, с которым мне пришлось столкнуться, наверняка и ворота и забор под надежной охраной и пристальным наблюдением каких-нибудь видеоустройств.

Осторожно выбравшись из кустов, я, держась на почтительном расстоянии, двинулся вдоль забора, по колено утопая в снегу.

Вскоре выяснилось, что бетонные плиты тянутся только метров на пятьсот в обе стороны от ворот, а потом, поворачивая, уступают место обычной железной сетке-рабице, опутанной поверху колючей проволокой. Не веря в такую удачу, я приблизился к забору, и в самый последний момент заметил тоненькие проводки-струнки, натянутые между столбами. Сигнализация, колебательный контур! Как только колебания превысят норму, сработает сигнал, и тот час же примчатся толпы охранников «с пушками и перьями...»

Уныло присев на пенек, смахнув с него предварительно снег, я закурил, разглядывая виднеющиеся за забором строения. В принципе, это был бывший типовой пионерский лагерь, если не считать торчащих над одноэтажными кирпичными корпусами серебристых грибков труб вытяжки, тарелок антенн спутниковой связи и каких-то буллитов, соединенных тонкими трубопроводами друг с другом.

Вокруг стояла звенящая ночная тишина, только со стороны построек доносился еле слышный гул, наверное, работали насосы в котельной, да тихо шумел ветер в верхушках мерзлых берез.

Я расслабился, привалившись спиной к стволу дерева, и только сейчас почувствовал, как устал за эти сумасшедшие сутки. Безумно хотелось спать, все тело ломило, ныли раны, но хуже всех физических страданий была мучительная мысль о том, что Катя сейчас в руках неизвестных маньяков, полудурков-полугениев, собравшихся чуть ли не захватить власть в стране.

Все, хватит! Решительно встав, сдирая с себя липкую паутину сна, я еще раз внимательно осмотрел забор, прикидывая, как лучше через него перебраться, не потревожив сигнализации. Способ нашелся довольно быстро, простой и гениальный одновременно. Я взобрался на старую, раскидистую березу, росшую возле самого забора, перебрался на торчащий, нависающий над сеткой сук, побалансировал на гибких ветвях, раскачав их посильнее, и резко оттолкнувшись, перелетел через преграду, приземлившись в глубокий, рыхлый снег в полутора метрах от забора. Дедушка Дарвин был прав, человек произошел от обезьяны!

Все прошло гладко. Выбравшись из снега, я отряхнулся, и пригибаясь, двинулся к ближайшему корпусу – одноэтажному зданию, типичному барaku под заснеженной шиферной крышей, в двух крайних окнах которого горел свет.

Осторожно, стараясь не создавать много шума, я подкрался к освещенному окну, и попытался заглянуть внутрь. Тут меня ждала неудача – окно со стороны комнаты наглухо закрывали серые жалюзи, и как я не ловчил, разглядеть что-либо в просветы между «жалюзинами» так и не смог.

Ощутимо похолодало, ветер усилился. Серые, низкие облака расплывались по небу, как клочья ваты, в просветах показалась чернота, утыканная мириадами звезд. Я всегда поражался, как много их бывает видно вдали от города, где нет отвлекающего света фонарей, реклам, фар машин...

Неожиданно в морозной тишине послышался скрип открывшейся двери. Выглянув из-за угла корпуса, я увидел, как из соседнего здания вышел на низкое крылечко человек в тулупе и лохматой собачьей шапке. Был он высок, худ, лицо украшала светлая, редкая борода, на носу поблескивали очки.

Человек закурил, и что-то бубня себе под нос, двинулся по узкой тропинке в обход корпусов, медленно приближаясь к мне, притаившемуся за углом барака. Вскоре до моего слуха доносилось: «...И вовсе незачем тут использовать катализатор! Все это чушь, господин Селез-

нев! Вот так-то! Надо просто подогреть смесь и прогнать ее через абсорбирующую мембрану, и тогда мы получим... Черт, а ночка-то какая! Феерия! Н-да... А еще, господин Селезнев, вы заблуждаетесь относительно области применения нашего вещества! Им не только хорошо опылять колорадских жучков, им можно опылить и человечков, и тогда они, как и жуки, утратят способность к размножению и вскинут лапки кверху! Вот так вот... Нет, надо чаще вставать по ночам, до чего же хорошо...»

Человек, не переставая бубнить, неспешно прошествовал мимо меня, ничего не заметив, и начал удаляться в сторону изгороди, туда, откуда пять минут назад пришел я.

Решение созрело у меня в мозгу практически мгновенно, и я мягким, быстрым шагом, стараясь ставить ноги след в след, строго вертикально, чтобы меня не выдал скрип снега и шорох шагов, устремился за незнакомцем, на ходу вытаскивая из рукава нож.

Болтающий сам с собой человек, судя по всему, химик, уже скрылся за деревьями, подходя к затерявшейся меж них старой беседке. В советское время в ней, наверное, собиралось после отбоя покурить не одно поколение пионеров из старших отрядов, да и их вожатые наверняка не раз уединялись тут с рано повзрослевшими пионерками, польстившимися на накаченные мускулы...

Ныне беседка, восьмигранная, с изрезанными пионерскими ножиками, потемневшими перилами и полуобвалившийся крышей, явно заброшенная новыми хозяевами лагеря, стояла, утопая в сугробах, а низкий густой кустарник надежно преграждал все подходы к ней, оставив только узкую тропку, по которой и шел не прекращающий говорить сам с собой человек.

Вот он подошел к кустам, вот остановился, словно услышав вдруг что-то подозрительное, замер, оглядываясь, но вокруг было пусто, только шумели безлистыми ветвями, клонясь под ветром, молодые березки. Человек, решив, что ему померещилось, вновь повернулся к беседке, сунул руку под скамейку, вытащил поллитровую бутылку, заткнутую резиновой пробкой и лабораторную мензурку. Он уже было собрался откупорить вожделенный сосуд, как в ту же секунду почувствовал у своего горла узкое, холодное лезвие ножа, а мой хриплый голос прошипел в волосатое ухо:

– Дернешься – убью!

– А... я... Я молчу! – с готовностью отозвался химик, выронив стеклотару и мензурку в снег. Я, не убирая руку с ножом от горла, приказал в полголоса:

– Иди к забору!

Так мы и пошли – я сбоку, правой рукой с зажатым в ней ножом угрожая жизни захваченного мною обитателя превентария, а сам химик – по тропинке, чуть отклоняясь назад, словно боясь, что он может горлом надавить на лезвие ножа и порезать сам себя.

Возле забора я убрал нож и кивнул на росшее прямо рядом со столбом дерево:

– Лезь!

Химик поправил шапку, и в блеклом свете снега и звезд я разглядел, что он уже далеко не молод, скорее всего, ему лет пятьдесят, и еще – что химик очень боится...

– Я... староват для подобных упражнений! Не могли бы вы мне объяснить, молодой человек, кто вы, и что вам от меня нужно?

– Потом узнаешь! – грубо ответил я: – Снимай тулуп и лезь на дерево! Живо!

Химик повздыхал, послушно снял овчину и кое-как, комично оттопырив задницу, все же взобрался на первую от земли развилку. Я подхватил брошенный в снег тулуп, вскарабкался следом и уселся на ветку рядом с химиком:

– Теперь давай, ползи вот по этой ветке до конца и прыгай в снег на той стороне!

– Что вы!! Я боюсь! Там же высоко! – решительно заявил пленник: – Я сломаю ногу!

– Не ломаешь! Повиснешь на ветвях, они сами опустятся под весом тела! Давай!

– Ну... если вы настаиваете... – пробормотал химик и пополз по ветке, извиваясь всем телом и обдирая пузо о корявые сучки. Он преодолел метра два, оставив забор далеко позади,

тут ветка согнулась, а потом с громким треском обломилась, и незадачливый древолаз безмолвно нырнул лицом вперед в снег и замер там, не издав ни звука.

Я, встревожившись – язык нужен был мне живым и здоровым – пробежал по гнущейся ветке следом, прыгнул, приземлился рядом и вытащил химика из сугроба.

– А... Мне... Очки! – пробормотал тот, близоруко шаря руками по снегу вокруг себя в поисках слетевших очков. Я быстро нашел треснувшие старомодные очки в толстой коричневой оправе, водрузил их на нос языка, помог ему подняться:

– Цел? Идти можешь?

– Я... У меня кружиться голова! – заявил химик, отряхивая с одежды снег. Я запахнул его в тулуп, похлопал по плечу:

– Руки-ноги целы – и ладно! А голова... Это от свежего воздуха! Ну, пошли!

Дорогой язык начал ныть – куда да зачем, это произвол, он будет жаловаться, это же киднеппинг, есть законы, он ничего не знает, это все ошибка, и нытье это продолжалось все то время, пока окольными путями я вел химика к джипу, поджидавшему их в полутора километрах от въезда в превентарий.

Борис, к моему удивлению, спокойно спал, и только громкий стук по двери машины разбудил его, заставил вскочить, и схватиться за монтировку.

– Свои, свои! – успокоил я друга.

– О! А это кто? – удивился Борис, уставившись на языка.

– Сейчас узнаем! – усмехнулся я: – Пока могу только сказать, что он химик и любит гулять по ночам под звездами! Борь, давай-ка отъедем отсюда километров на пять, кабы они не хватились нашего гостя, да не начали искать!

Джип остановился на уютной поляне, проехав вдоль неприметной заснеженной речушки прямо по полям несколько километров. Дорога с редкими, по ночному времени, машинами, осталась далеко позади, за лесом, а от превентария мы удалились вообще километров на семь-восемь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.